

АПРЕСТАНТ

Среди бела дня в июне, в субботу, Джек Кеннисон надел солнцезащитные очки, сел в спортивный автомобиль с откинутым верхом, перебросил ремень через плечо и свое огромное брюхо и двинул в Портленд — около часа езды — за галлоном виски, лишь бы не столкнуться с Оливией Киттеридж в продуктовом магазине в городе Кросби, штат Мэн. Либо с той другой женщиной, с которой он дважды стоял в очереди в кассу, и оба раза она говорила о погоде. Надо же, о погоде. Женщина эта — имени ее он не смог запомнить — тоже вдовствовала.

В дороге на него снизошли мир и покой, ну, почти мир и покой, и в Портленде, припарковав машину, он потопал к воде. Лето уже вступило в свои права,

и пусть в середине июня еще было прохладно, небо радовало бескомпромиссной синевой, а над доками парили чайки. По тротуарам шли люди, много молодых с детьми в колясках, либо они держали детей за руку, и вся эта молодежь беседовала промеж собой. Джек был потрясен. С какой непринужденностью они идут рядом друг с другом, запросто обмениваясь словами, мыслями, будто иначе и быть не может! В его сторону никто и головы не повернул, и Джек осознал (он и раньше сознавал, но теперь как-то немного иначе): сам он всего лишь старик с обвисшим брюхом, а такие не стоят внимания. Внезапно Джек почувствовал себя свободным... ну, почти. Много-много лет своей жизни он был высоким, красивым, стройным мужчиной, и когда он вышагивал по кампусу Гарварда, встречные смотрели на него — студенты с почтением, а женщины — ну, они тоже смотрели на него. На факультетских сборищах он был неподражаем, так говорили ему коллеги, и он знал — они не сочиняют, потому что именно такого неподражаемого эффекта он и добивался. Теперь же он ковылял по верфи, застроенной кондоминиумами, и размышлял, не переехать ли сюда, где кругом вода — и люди. Джек вынул телефон из кармана, глянул на него и засунул обратно. С дочерью, вот с кем он бы очень хотел поговорить.

Из дома напротив вышла пара, его ровесники, — мужчина тоже с брюшком, но не с таким большим, как у Джека, и женщина, чем-то, казалось, расстроенная; скользнув по ним взглядом, Джек решил, что они женаты много лет. «Оставь меня в покое», — донесся до него голос женщины, мужчина сказал что-то в ответ,

и женщина опять: «Нет, прекратим это». Они прошли мимо, не замечая Джека, он обернулся им вслед и увидел, что женщина — к его удивлению, хотя и вялому — взяла мужчину под руку и они направились к центру города.

Стоя на краю верфи, Джек смотрел на океан, сперва в одну сторону, потом в другую. Бриз вспенивал воду белыми барашками, и Джек ощутил дуновение ветерка. В этом месте причаливают паромы из Новой Шотландии, они с Бетси плавали на таком однажды. В Новой Шотландии они провели трое суток. Джек пытался вспомнить, брала ли Бетси его под руку; почему нет? И вот он уже вообразил: они спускаются с парома, ладонь жены на его локте...

Он развернулся спиной к воде.

— Совсем сбрендил, — произнес он вслух и тут увидел в двух шагах мальчика, несколько оторопевшего. Оно и понятно: на верфи в Портленде, штат Мэн, незнакомый старикан разговаривает сам с собой, и он — Джек Кеннисон, обладатель двух научных степеней, — не мог, хоть убей, объяснить, как он до такого докатился. — Вау, — добавил он опять вслух, проходя мимо мальчика.

На верфи были скамейки, и Джек уселся на одной из пустовавших. Вытащил телефон и позвонил дочери; в Сан-Франциско, где она жила, еще не наступил полдень. Джек удивился, когда она ответила.

— Папа? С тобой все в порядке?

Он возвел глаза к небу:

— Кэсси, я лишь хотел спросить, как ты поживаешь.

— Нормально, папа.

— Тогда ладно. Хорошо. Приятно слышать.

Помолчав секунду-другую, она сказала:

— Ты где?

— О, я в доке в Портленде.

— Почему вдруг?

— Просто захотелось съездить в Портленд. Выбраться из дома, проветриться. — Джек покосился на воду.

Снова пауза. Затем:

— Хорошо.

— Послушай, Кэсси. Я только хотел сказать, я знаю, какой я говнюк. Знаю. И ты тоже знаешь. Я знаю, что я говнюк.

— Папа, — ответила она, — папочка, перестань. Как я должна на это реагировать?

— Никак, — миролюбиво подхватил Джек. — Что тут скажешь? Но я просто хотел, чтобы ты знала, что я знаю.

Опять молчание, более продолжительное на сей раз, и у Джека засосало под ложечкой.

— Что ты, собственно, имеешь в виду? То, как ты со мной обращался, или свою многолетнюю интрижку с Илейн Крофт?

Опустив голову, он уставился на свои стариковские черные кроссовки поверх дощатого перекрытия верфи.

— Все и сразу. Либо сама решиай, какой ответ правильный.

— Ох, папа, папочка, я не знаю, что и думать. Что я могу для тебя сделать?

Он покачал головой:

— Ничего, малышка. Ты ничего не должна для меня делать. Я только хотел услышать твой голос.

— Пап, мы как раз собираемся уходить.

— Да? И куда же?

— На фермерский рынок. Сегодня суббота, а по субботам мы ходим на фермерский рынок.

— Здорово, — сказал Джек. — Тогда ступай. И не беспокойся обо мне. Я тебе еще позвоню. Пока-пока.

Ему послышалось, что она вздохнула.

— Ладно. До свиданья.

Вот и поговорили. Но ведь поговорили же!

Джек еще долго сидел на скамейке. Мимо то шли люди, а то подолгу никто не появлялся, но Джеку было не до прохожих, он думал о Бетси, своей жене, и ему хотелось выть. Понимал он лишь одно: он получил по заслугам. Прокладка, которую после операции на простате он лепит на трусы, вполне им заслужена; он заслуживал и дочери, не желающей с ним разговаривать, потому что прежде он годами отказывался говорить с ней из-за того, что она лесбиянка; его дочь — лесбиянка, от этой мысли Джека до сих пор слегка передергивало. Бетси, однако, смерти не заслуживала. В отличие от Джека, она по баллам недотягивала до таких бонусов. И тем не менее он вдруг разозлился на жену.

— К чертям собачьим, — пробормотал он.

Когда жена умирала, гневался на судьбу не он — она. «Ненавижу тебя», — твердила Бетси. И он отвечал: «Я тебя понимаю». «О-о, прекрати», — злилась она, но он говорил искренне. У Бетси имелось достаточно причин его ненавидеть, и он не мог притворяться, будто совесть его кристально чиста. Последнее, что она ему